

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4575.

Воскресенье, 21-го марта 1899 г.

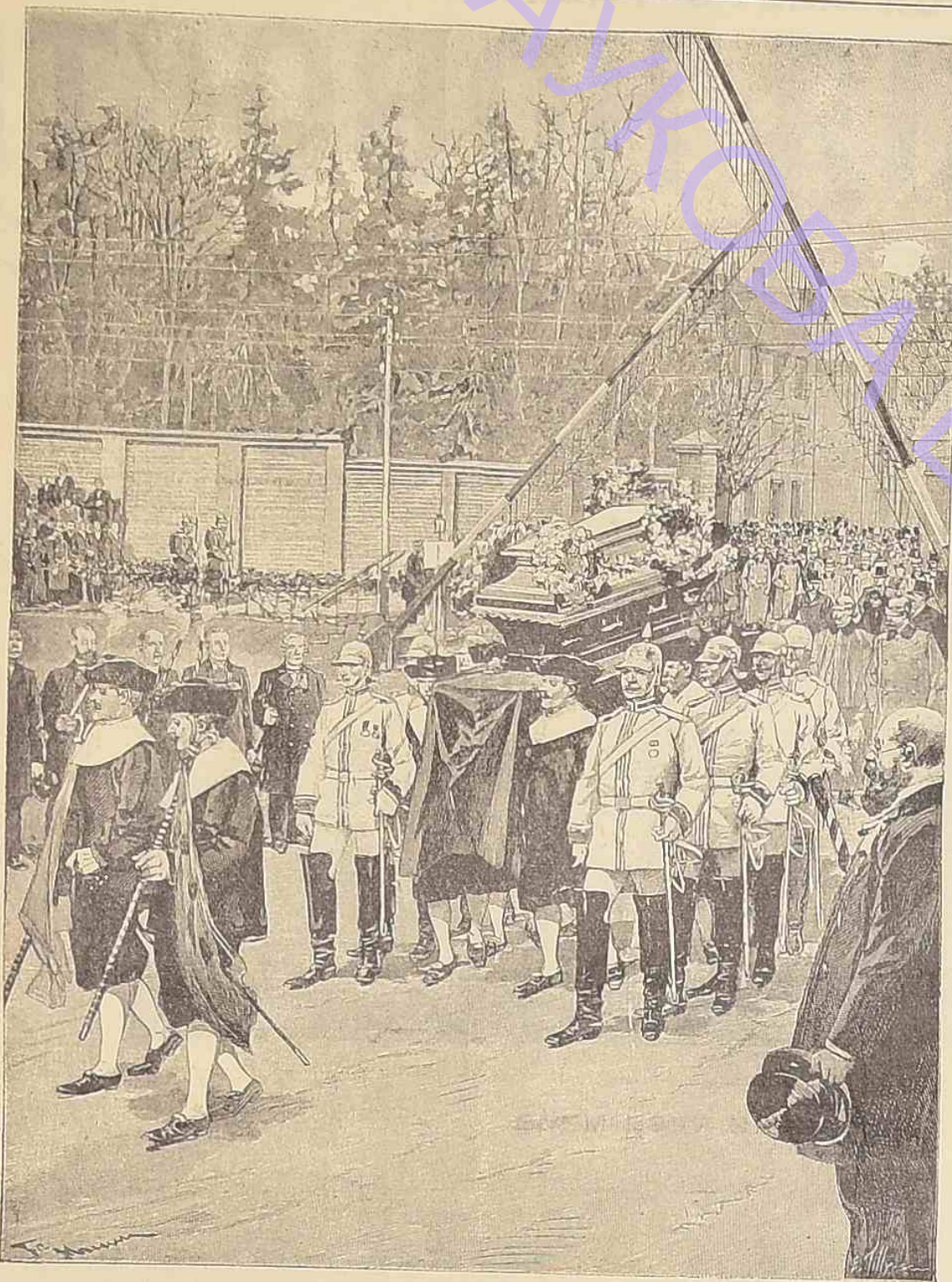
№ 4575.

Поборники идеи мира.

Фридрихсруэ.—Перенесеніе тѣлъ князя и княгини Бисмаркъ въ мавзолей.

Перенесеніє тѣла кн. Бисмарка въ мавзолей.—Гробъ съ прахомъ покойнаго.

Чемодакъ для приличія.

Густава Клитчера.
(Съ тѣмъ же иже).

Окончаніе *).

— Для Гертруды, — возразилъ Францъ, — я принимаю твое предложеніе съ благодарностью, но мнѣ не имѣетъ смысла тащить въ такую даль; вѣдь къ 8 часамъ я долженъ быть на службѣ.

Сначала Гертруда не соглашалась, но въ концѣ-концовъ должна была сдаться. Прощаясь, она шепнула мужу: — И какъ-разъ сегодня, милый! Какъ глупо!

Но „выпущенному на свободу льву“ было не до нѣжностей; онъ слегка поцѣловалъ жену въ лобъ, усадилъ всѣхъ трехъ въ карету: «adieu, adieu», и карета тронулась на Курфюрстендаль, а Францъ, закутавшись плотнѣе въ шубу, зашагалъ по направленію къ кафе Бауеръ.

* См. „Од. Нов.“ № 4568.

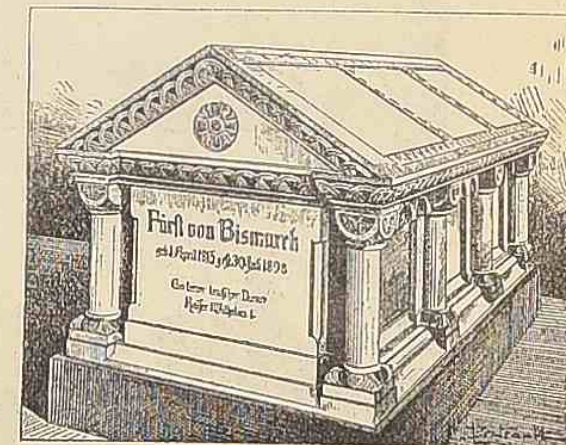
— Скверная исторія, — бормоталъ онъ, — а я былъ такъ веселъ сегодняшній вечеръ. Затѣмъ, впадая въ классическій тонъ, процитировалъ: „Ахъ, съ силами судьбы у насъ союзъ не вѣченъ“.

Когда онъ вошелъ въ кафе Бауеръ, тамъ еще было порядочно публики, но онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Недовольный, занялъ онъ въ углу столикъ и заказалъ стаканъ пуншу; выпивъ его залпомъ, онъ углубился въ «Journal amusant». За вторымъ стаканомъ Францу сдѣлалось теплѣе и веселѣе. Закуривъ сигару, онъ отложилъ журналъ въ сторону. Вдругъ тихое хихиканье заставило его обернуться.

— Здравствуй! — привѣтствовалъ его звонкій голосокъ, — здравствуй, Францъ! Ахъ, какое счастье для меня—эта встрѣча съ тобой.

— Клара, ты-ли? — пожимая ей крѣпко ручки и притягивая къ себѣ, воскликнулъ присяжный повѣренный.

— Поцѣловать ты можешь меня даже на улицѣ, — смѣялась дѣвушка, вытягивая впередъ свои полныя губки и

Саркофагъ въ мавзолей.

показывая тѣмъ, что она и не прочь поцѣловаться и здѣсь.

Да, это действительно была Клара, настоящая Клара! Да то были времена тогда—чортъ возьми! Францъ не былъ женатъ, Клара была хористкой. Они не были безумно влюблены, но любили другъ-друга и даже „страшно любили“, какъ говорила Клара. Въ концѣ-концѣ они разошлись, какъ это всегда бываеъ. Онъ женился... и вотъ опять сидѣла передъ нимъ черноглазая плутовка. Она немного пополнила и приобрѣла нѣкоторый шикъ.

— Знаешь-ли, Францъ, я изъ хористокъ, въ Вѣнѣ вдругъ попала въ приданныя. И когда теперь я пою куплеты, то всѣ коугомъ выглядятъ полумумными и дураками. И вотъ я теперь здѣсь на гастроляхъ, какъ la belle Zizi. Послушай, Францъ, твоя Клара, и la belle Zizi, что ты на это скажешь?

Присяжный повѣренный, слушая болтовню Клары, припомнилъ четверостишіе:

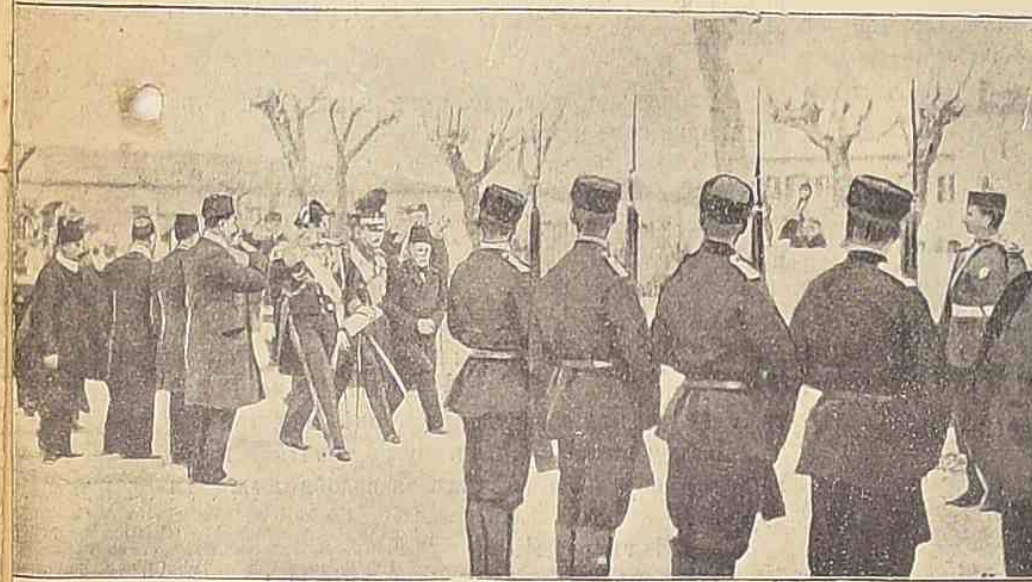
Вспоминаешь про время былое,
Его воротиться зовешь;
Приди снова, о, время былое!
Но напрасно... его не вернешь.

Приятныя воспоминанія наполнили нѣсколько опьянѣвшую голову Франца. Онъ снова слышалъ вальсъ изъ „Летучей мыши“, какъ тогда: „Траля-ля-ля-ля, траля, траля-ля-ля-ля... О, чудная ночь, полная нѣги и страсти!“ Прекрасная вещь—воспоминанія. „Выпущенный на свободу левъ“ сдѣлался совсѣмъ развязнымъ; заказалъ третій стаканъ пуншу, чокался съ Klarой, смѣялся, шутилъ—словомъ, былъ веселъ, какъ прежде. Подъ конецъ все происшедшее за послѣдніи 5 лѣтъ было забыто въ блаженномъ опьяненіи, и присяжный повѣренный шелъ внизъ по Фридрихштрассе подъ руку съ la belle Zizi.

— О, чудная ночь, полная нѣги и страсти, — напѣвалъ себѣ подъ носъ Францъ. Вдругъ онъ, остановившись, коварно спросилъ:

— Послушай, малютка, нѣтъ-ли при тебѣ случайно ручного чемоданчика или чего-нибудь подобнаго; знаешь-ли—приличіе этого требуетъ.

Клара только лукаво засмѣялась: — А—а? Ты вспоминаешь высоконравственное, мудрое предписаніе полиціи. Ну такъ это пустяки! Знаешь, пріѣхавъ съ вокзала и остановившись въ „Принцъ Гомбургъ“, я сейчасъ-же

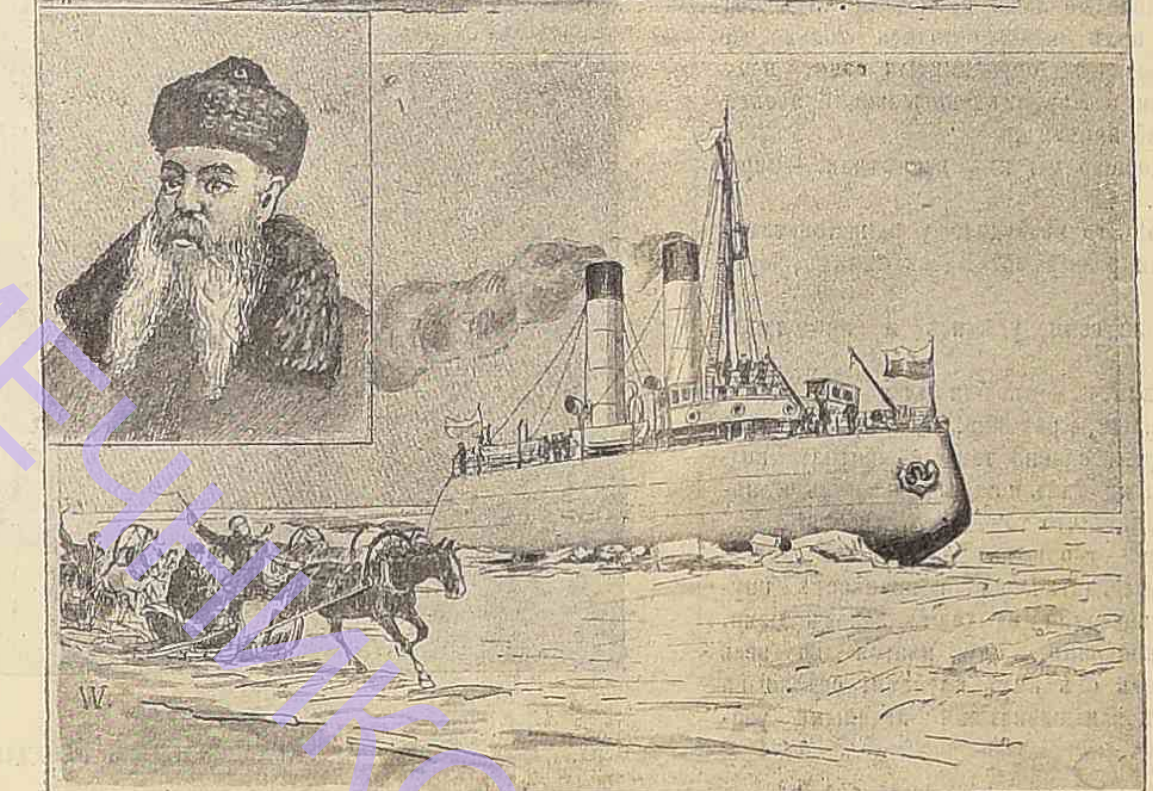

Королевичи Георгій и Николай въ сопровожденіи мера г. Канеи.

Дворецъ королевича Георгія.

НА ОСТРОВЪ КРИТЪ.

Адмиралъ Макаровъ.

Новый ледоколъ „Ермакъ“, сооруженный по плану адмирала Макарова.

Отель «Виндзоръ» въ Нью-Йоркѣ, уничтоженный пожаромъ.

— Скорѣе, Марцинь!
Тадеушъ видитъ уже барскій домъ въ Кленовкѣ. Яркій свѣтъ видѣется изъ-за тополей. Тамъ она, Жанета, ждетъ его, улыбающаяся, розово бллая, со своими чудными каштановыми волосами... Онъ и теперь еще чувствуетъ ихъ запахъ...

— Эй!
Марцинь остановилъ сани передъ подъездомъ ярко-освѣщеннаго дома.

— Что, была уже карилье?—спросилъ Тадеушъ ласки, выѣжавшаго имъ навстрѣчу.

— Никакъ нѣтъ! Музыканты настраиваютъ инструменты.

— Ура! Мы посадили во время.

Тадеушъ опять искалъ чего-то въ саняхъ, въ то время, какъ Пржемыславъ былъ уже въ передней. Онъ искалъ, искалъ и не могъ найти той розы, которую везъ изъ Варшавы.

Пржемыславъ успѣлъ уже снять шубу, когда въ переднюю въѣхалъ взволнованный Тадеушъ.

— Нѣтъ розы!..

— Какъ? Нѣтъ?..

— Нѣтъ!..

— Глупости! повѣжай, не разсуждая. Быстрѣе! Вывернешь—я не въ претензіи. Живѣе!—крикнулъ Тадеушъ.

— Революверъ съ тобою?

— Да, у меня шесть зарядовъ, а у тебя?

— У меня пять...

— Итого одиннадцать. Ну, пускай попробуютъ! Веселѣе будутъ танцовать магурку! Что?—засмѣялся Тадеушъ.

Но какъ разъ въ ту-же минуту лошади рванулись въ сторону, дышло пошло вверхъ... сѣдоки очутились въ снѣгу. Пржемыславъ упалъ подъ сани, Тадеушъ—руками въ снѣгъ. Раздался пронзительный свистокъ, и съ обѣихъ сторонъ дороги выскочило нѣсколько человекъ. Двое изъ нихъ бросились къ лошадямъ, которыхъ Марцинь силится удержать, а четверо другихъ устремились на Тадеуша и Пржемыслава.

Но Тадеушъ былъ уже на ногахъ. Двумя выстрѣлами встрѣтилъ онъ нападающихъ. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ въ плечо, остальные остановились въ нерѣшимости... Этимъ замѣланиемъ воспользовался Пржемыславъ: онъ успѣлъ вынуть революверъ. При видѣ двухъ вооруженныхъ противниковъ разбойники посѣлшили ретироваться. Молодые люди проводили ихъ выстрѣлами. На полѣ битвы остались только Тадеушъ, Пржемыславъ, опрокинутыя сани, испуганныя лошади и Марцинь, посылавшій проклятія вслѣдъ разбойникамъ.

— Что хорошо мы ихъ встрѣтили?—спросилъ Тадеушъ.

— Чудесно! Это возбудило у меня аппетитъ!

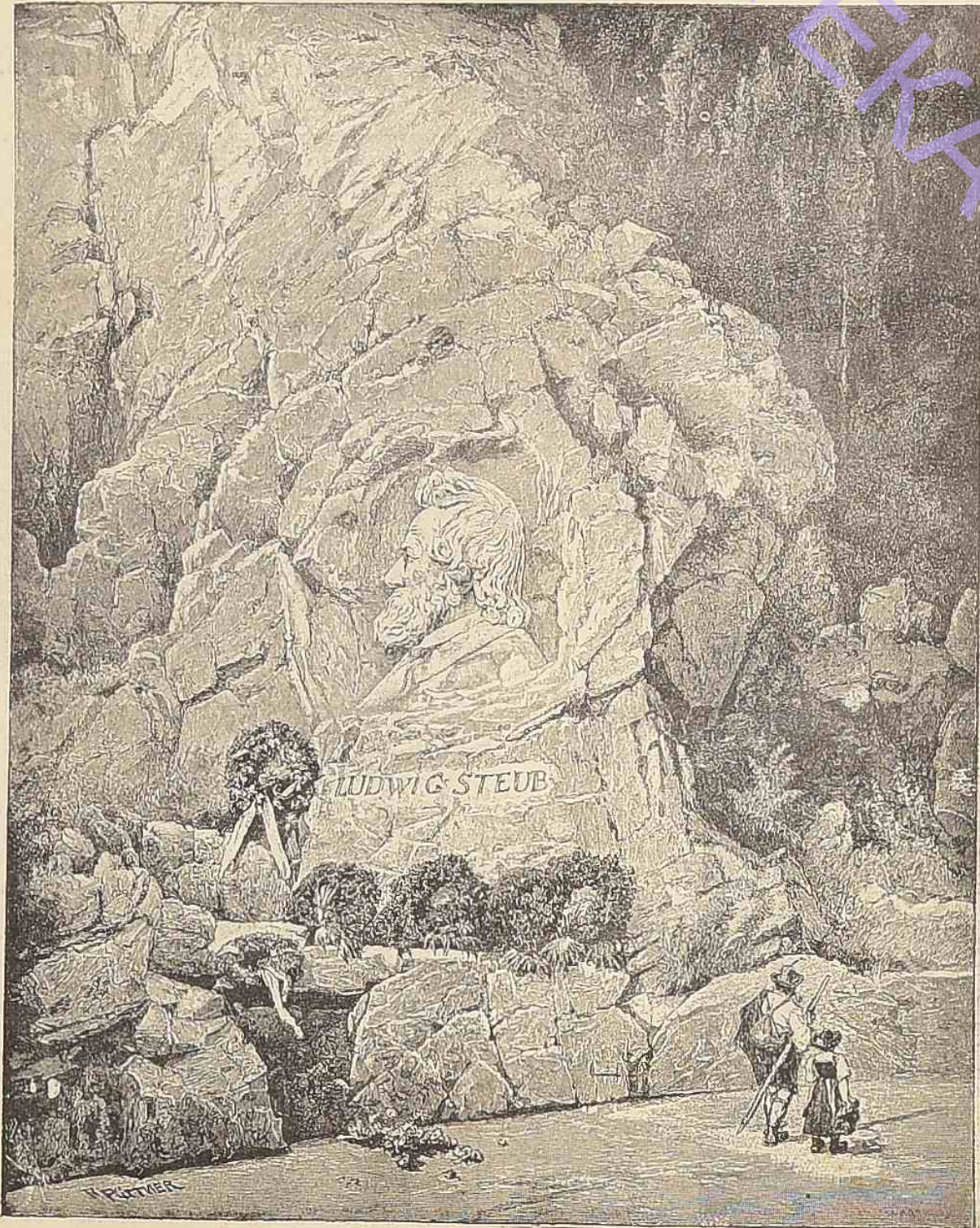
— А меня разогрѣло! Кровь кипитъ, чортъ поберн.

Они подняли сани, усѣлись и продолжали свой путь.

Лѣсъ рѣдѣлъ. Баръ близился къ концу. Куда ни взглянешь, равнина, поле. На этой снѣжной скатерти, словно темныя пятна, виднѣются деревушки, тамъ и сямъ мелькаютъ огоньки. Вдали чернѣетъ что-то—это Кленовка!

— Скорѣе!—торопитъ Тадеушъ.

Марцинь флегматически помахиваетъ кнутомъ. Лошади коздрими вдыхаютъ запахъ дыма. Чуя близость конюшни, онъ мчится во весь духъ. Паръ идетъ отъ нихъ клубами, осѣдая на гривахъ самыми замысловатыми ледяными узорами...

Памятникъ Людвигу Штейбу.

Г-жа Мальвина Аримъ, сестра кн. Бисмарка.

сказала, что ожидаю моего мужа. Знаешь—на всякій случай; я почему-то была увѣрена, что встрѣчу тебя, Францъ.

Францъ былъ тронутъ такою любовью. Приподнявъ воротникъ, какъ можно выше, онъ сегодня во второй разъ позвонилъ у „Принца Гомбурга“. На этотъ разъ двери сейчасъ-же открылись и церберъ, очевидно, не узнавъ нашего знакомаго, кланялся съ изысканной любезностью.

— Пожалуйте, сударыня. Пожалуйте, господинъ баронъ! Электричество еще горитъ въ первомъ этажѣ. Пикколо, проводи господъ въ номеръ восьмой. Комната въ порядкѣ. Мое почтеніе господину барону, желаю приятнаго сна,—мос почтеніе, сударыня.

Онъ кланялся еще нѣкоторое время вслѣдъ имъ, пока они всходили по устланной мягкими коврами лѣстницѣ.

Когда Пикколо исчезъ, Зизи, сдѣлавъ граціозный реверансъ, обняла своего Франца и, сквозъ смѣхъ, сказала:

Enfin seuls.

Когда на слѣдующій день присяжный повѣренный вернулся передъ объѣдомъ домой, онъ нашель лучшимъ не говорить своей супругѣ, что пренебрегъ домою и на былъ не службѣ. Гертруда же ожидала своего мужа съ особенно старательно приготовленнымъ объѣдомъ, при видѣ котораго уставые глаза Франца заблестѣли.

— Тебѣ полезно покушать чего-нибудь питательнаго, мой бѣдненькій,—говорила супруга.—цѣлую ночь просидѣть въ кафе—это должно быть, ужасно.

— Да, да—но все-таки это для меня было ново.

— Да! И послѣ сейчасъ—же работать... я узнала отъ прислуги, что ты вовсе не заходилъ домой. Не правда-ли, это утомительно?

— Утомительно?—Вотъ еще—нѣтъ—не то, чтобы... Да наконецъ я-же еще молодѣю?

— А я такъ совсѣмъ не спала и все думала: мнѣ хорошо, а какъ тебѣ—мой бѣдный, бѣдный мужъ!

Она обняла и поцѣловала его.

— Сначала я такъ злилась на эти глупыя гостинницы, потомъ за кофе—

зять объяснилъ мнѣ, почему они съ нами такъ обращались, а онъ вѣдь долженъ знать это,—вѣдь не даромъ-же онъ статскій совѣтникъ при министерствѣ юстиціи. Конечно, если-бы гостинницы принимали всякаго и каждаго, тогда... да, тогда—конецъ нравственности. У вась-бы тогда, злые супруги, могли являться плохія мысли, а теперь...

— Ну, конечно,—теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло,—продолжала злой супругъ.—И вамъ, добрыя супруги, нечего безпокоиться.

— Да, и поэтому я очень счастлива. Не хочешь-ли, Францъ, стаканчикъ портвейна?

— Стаканчикъ портвейна?—воскликнулъ Францъ, крутя вверхъ свои усы.—Это гениальная идея. Сюда, портвейнъ! Будь здорова, звѣрюшка! и да здравствуюте чемоданы для приличія!..

Гертруда легонько закрыла ему ротъ, находя это выраженіе неподходящимъ, но все-таки весело чокнулась съ мужемъ.

Сессиль Родсъ.

РОЗА.

Разсказъ И. Грабовскаго.

Веди насъ, маленькая! Смотри, Пржемысль, это моя звѣздочка сіяетъ тамъ, въ выси.

Тадеушъ указалъ рукою на небо, усѣянное звѣздами.

Морозъ трещалъ. Все казалось голубоватымъ или голубымъ небо, воздухъ, лѣсъ, снѣгъ, покрывающій шоссе...

Тадеушъ и Пржемыславъ мчались во весь духъ. Они сѣли въ Кленовку. Сегодня балъ.

Тадеушъ не можетъ спокойно усидѣть на мѣстѣ. Онъ ежесекундно спрашиваетъ Марциня:

— Что, далеко ли еще до Кленовки?

— Уже близко, баринъ, не безпокойтесь...

— Пржемысль, посмотри, который часъ!

— Поспѣть, не бойся!

— Я ее приглашалъ на первую карилье...

Я долженъ посѣть во время во чтобы то ни

стало въ Кленовку.
— Да и безъ того знаю, что ты словно сумасшедшій. Вздѣнь въ Варшаву за розой, за одной только розой—это, вѣдь, безуміе! И зачѣмъ? Чтобы пани Жанета завтра бросила ее въ уголъ. Это болѣе, чѣмъ въяртно! она по части кокетства—мастеръ.

— Ну, ну, молчи,—прервалъ его Тадеушъ, доставая что-то со дна сани. Это была ярко-красная оранжевая роза, тщательно завернутая въ вату.—Есть! Эй Марцинь, погоняй!

Марцинь для вида взмахнулъ кнутомъ. Погонять лошадей не приходилось. Вороны неслись, словно вътеръ. Сани съдвинулись безшумно, снѣгъ поглощалъ удары копытъ, одно только побрякиваніе бубеничковыхъ раздавалось въ окружающей тишинѣ. Вдругъ оравый вороной заржалъ и бросился въ сторону. Сани описали полукругъ, лѣвая сторона ихъ приподнялась... Чуть-чуть сани не опрокинулись. Лошади стали.

— Вотъ химерная скотина,—промокнувъ Марцинь, ударяя кнутомъ вороного. Но «скотина химеричаа» не безъ причины: впереди высилась снѣжная насыпь во всю ширину дороги.

— Откуда эта насыпь? Среди лѣса?

— Чортъ-бы ее побрадь! Опять остановка!

Они вылезли изъ сани, взяли лошадей подъ уздцы и провели ихъ черезъ насыпь. Поѣхали дальше. Марцинь однако не успѣлъ уже на козлахъ, но, стоя въ саняхъ, внимательно осматривалъ дорогу. Онъ, очевидно, что-то соображалъ.

Спусти минуту, Марцинь потянулъ возжи и остановилъ лошадей.

Вотъ тамъ и другая,—сказалъ онъ, указывая кнутомъ. Впереди, дѣйствительно, виднѣлась другая насыпь.

— Злѣсь кто-то умыленно сдѣлалъ насыпь.—Тадеушъ выругался.

— Впередъ! Вывернемся—не велика бѣда! Вали!

Марцинь осторожно переѣхалъ черезъ насыпь. Сани въѣхали на снѣжную гору и съчастливо спустились внизъ. Кучеръ минуту повертѣлся на козлахъ и, не выдержавъ, испуганно обратился къ Тадеушу:

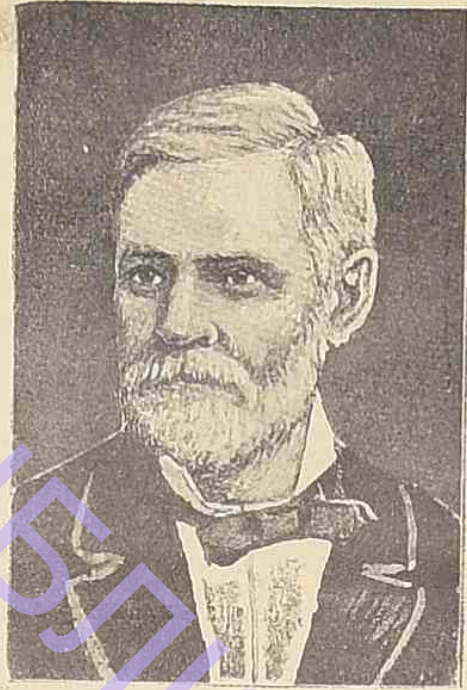
— Баринъ, это разбойники!

— Что

— Это разбойники, баринъ! Они нарочно дѣлаютъ на нихъ, чтобы нападать на людей. На прошлой недѣлѣ они ограбили обозъ съ товарами, два дня тому назадъ убили мужика. Говорятъ, что съ ними самъ глава—разбойникъ Маларскій.

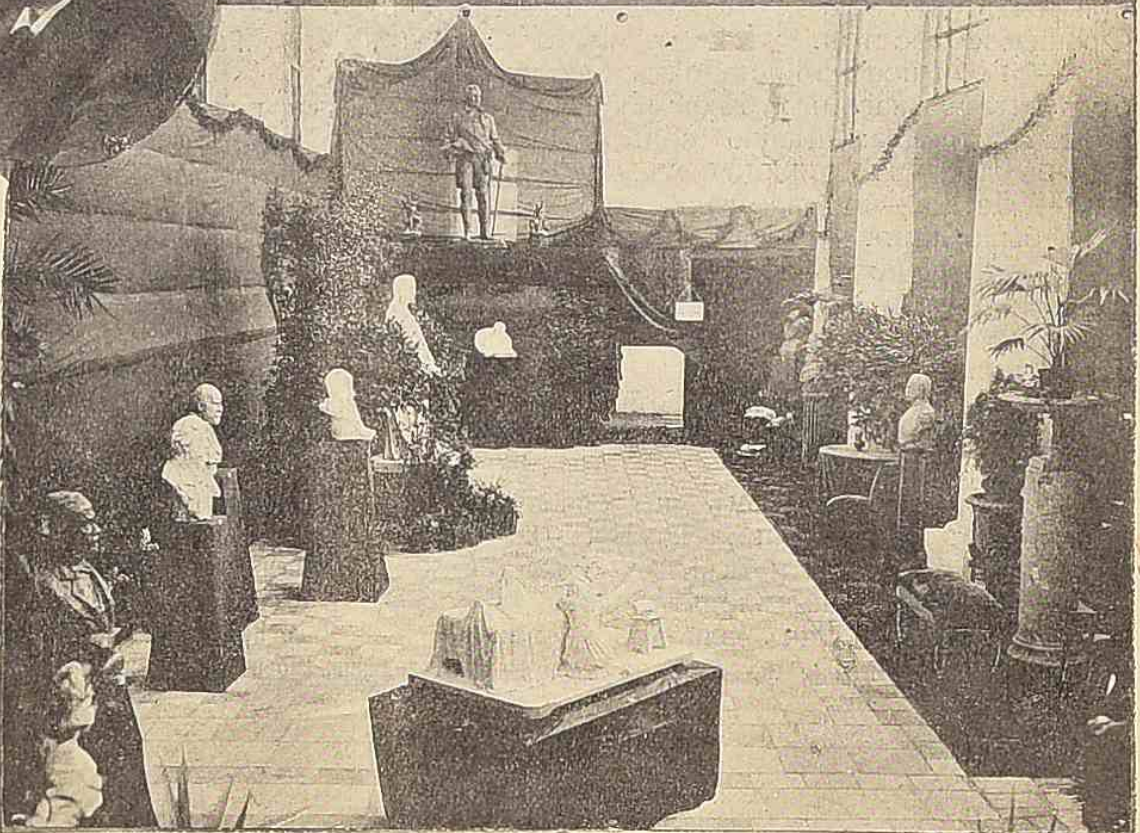
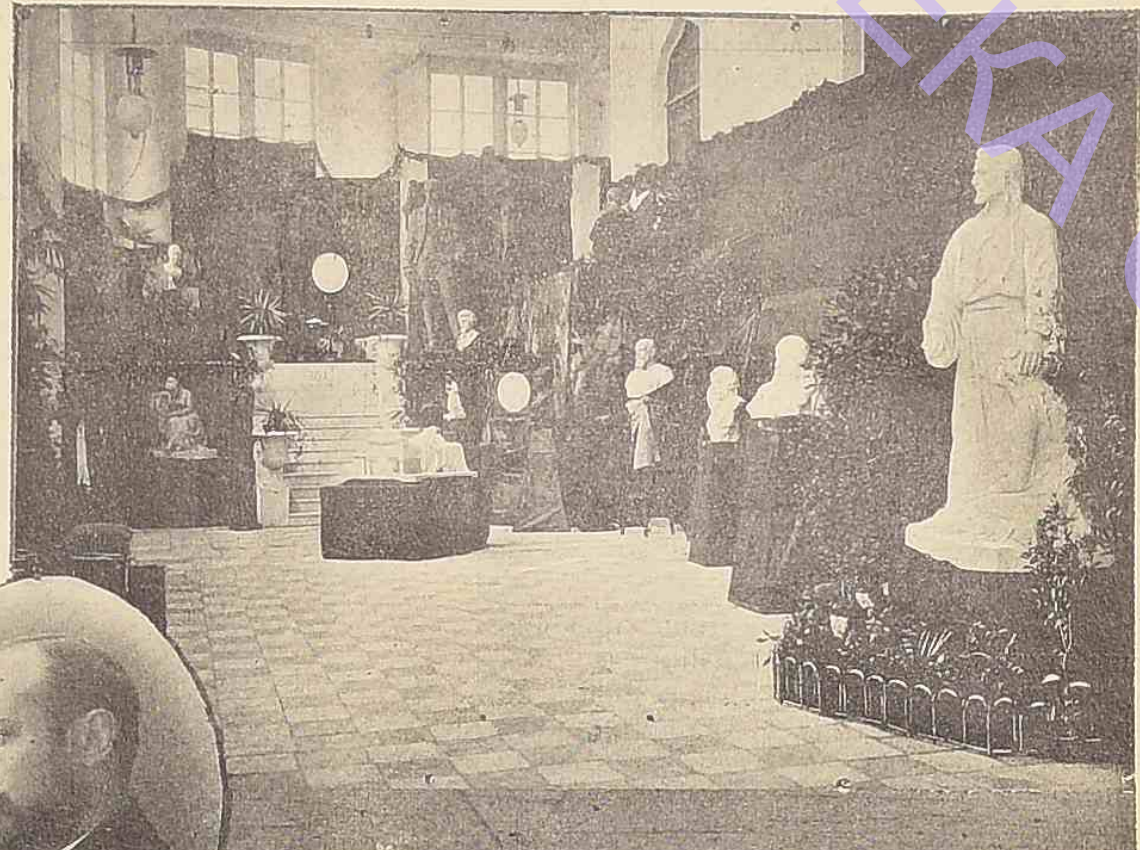
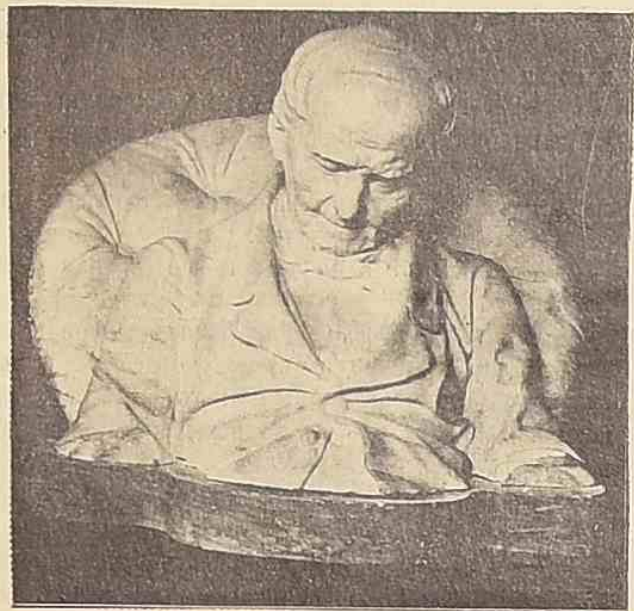
Людвигъ Бамбергеръ, пѣвистъ, нѣмецкій депутатъ † 14 марта.

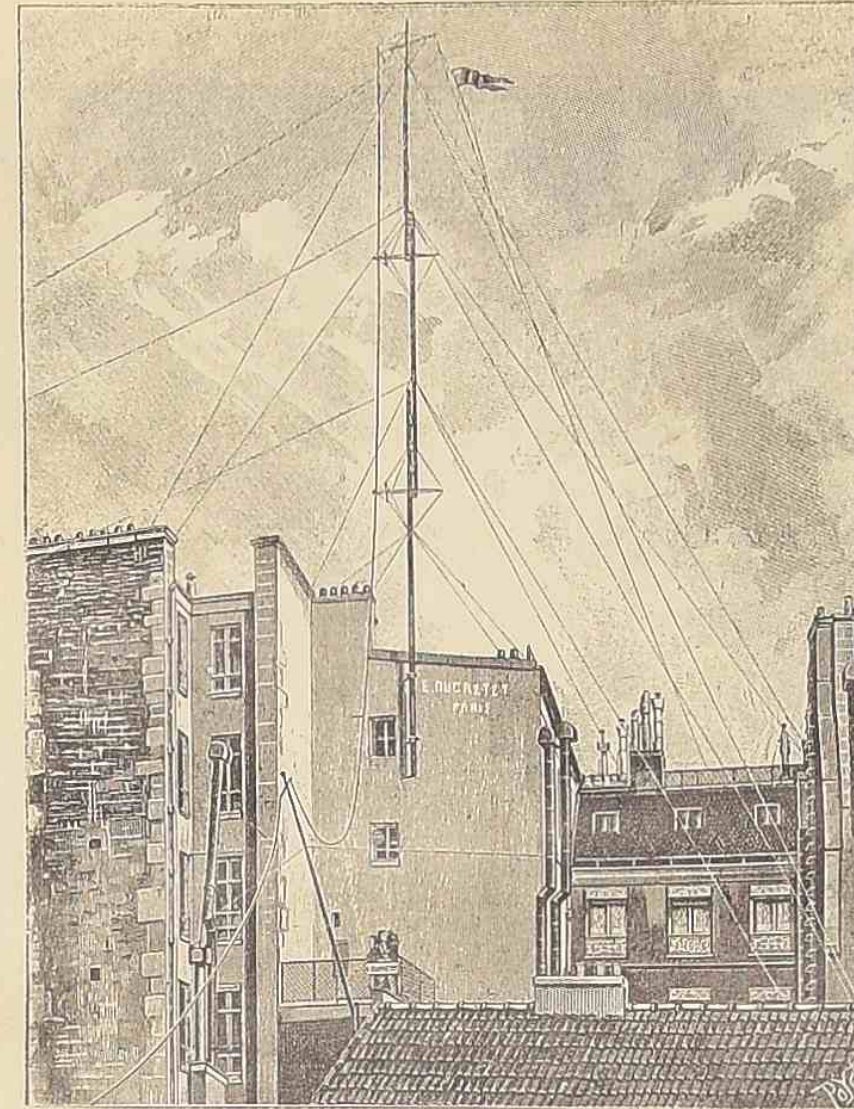
Баронъ Ленса-Эренталь.
новый австро-венгерскій посолъ при
Высочайшемъ Дворѣ.

† Дюнь Шерманъ,
статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ
кабинетѣ Макъ-Кисленъ.

І. А. Уаровъ,
новый директоръ народн. училищъ Херсонской губ.

ОДЕССА. — Выставка произведеній скульптора Б. В. Эдуардса.

Телеграфъ безъ проводовъ.

рину 1 2/3 метр.; рельефъ достигаетъ глубины въ полметра. Техническія трудности были особенно велики вследствие неравномерной структуры камня. Образцомъ для рельефа послужила надгробная бюстъ на могилѣ Штейба.

Телеграфъ безъ проволокъ.

Опыты съ телеграфомъ безъ проволокъ, производимыя въ последнее время въ большомъ количествѣ, даютъ блестящіе результаты. Основой этого физическаго явленія служитъ вибрація. Движеніе тѣла вызываетъ вибрацію воздуха, которая производитъ безчисленное множество волнъ, проходящихъ чрезъ пространство. Если эти вибраціи встрѣчаютъ на своемъ пути принимающій аппаратъ, то онъ задерживается и въ свою очередь заставляетъ его вибрировать. Подобно свѣтовымъ и звуковымъ волнамъ, существуютъ также волны электрическія, которыя движутся съ быстротой 300.000 километровъ въ секунду. Онѣ проникаютъ чрезъ камень, дерево и т. д.; и только металлы оказываются непроницаемыми по отношенію къ нимъ.

Эту идею впервые применили на практикѣ для телеграфа безъ проволокъ русскій инженеръ Поповъ въ 1895 г. и итальянскій ученый Маркони въ 1-96 г. Затѣмъ опытами надъ телеграфомъ безъ проволокъ занялись въ Англіи, Швейцаріи, Франціи. Постепенно вводятся различныя усовершенствованія въ отправляющихъ и принимающихъ аппаратахъ. Изъ отправителя электрическія волны направляются въ автоматическій приемникъ, который очень похожъ на обыкновенный Морза. Разница однако та, что телеграфу безъ проволокъ не нужно помощи телеграфиста. Когда таинственныя волны прибыли въ приемникъ, онъ самъ разворачиваетъ бумагу, высвѣтляетъ знаки и остается только тихо корреспонденту, съ которымъ онъ не связанъ ничѣмъ матеріальнымъ, перестаетъ сообщаться съ нимъ. Этотъ автоматизмъ является одной изъ самыхъ любопытныхъ особенностей новаго изобрѣтенія.

— Ну, что-же дѣлать; мы, очевидно, потеряли ее на этой проклятой насыпи.

Нѣсколько секундъ царилъ молчаніе. Тадеушъ, послѣ минуты раздумья, вынулъ визитную карточку и, написавъ на ней нѣсколько словъ, вручилъ ее удивленному Пржемыславу.

— Что это?

— Передай, пожалуйста, Жанетѣ...

Пржемыславъ прочелъ: «Я васъ пригласилъ на первую кадриль. Вѣрите мнѣ, что я опаздываю благодаря вамъ и исключительно для васъ. Въ кадриль меня замѣнитъ Пржемыславъ».

— Ты приглашаешь съ нею кадриль, — воскликнулъ Тадеушъ.

— А ты?

— Я еду за розой... Сейчасъ же... Только не говори ни слова о случившемся. Во имя нашей дружбы... Ни слова!

— Но это безуміе! Ты рискуешь жизнью.

— Пустяки! Черезъ часъ я возвращусь!

— Возьми, по крайней мѣрѣ, двухъ мужиковъ...

— Но Тадеушъ былъ уже на дворѣ. Марцинь былъ сильно удивленъ, что баринъ не приказалъ ему выпрягать лошадей. Но его удивленіе усилилось еще болѣе, когда Тадеушъ, усѣвшись въ сани, приказалъ:

— Поворачивай въ лѣвъ. Скорѣе!

(Окончаніе слѣдуетъ).

мѣстности Брикслагъ стоитъ особакомъ скала вышиною въ 50 метровъ. Скала эта спускается широкой террасой, надъ которой возвышается отлогая стѣна. Въ этой стѣнѣ высѣченъ рельефный портретъ Людвигъ Штейба. Отъ черепа до плеча было измѣрено разстояніе почти въ 2 метра, а голова имѣетъ съ бородой ширину въ шп...

Домъ гдѣ родился Гайднъ.

Памятникъ Людвигу Штейбу.

Въ высшей степени оригинальный памятникъ поставили соотечественники мюнхенскому писателю Людвигу Штейбу у Брикслага. Возлѣ

Намогильный памятникъ Маріи Стюартъ.
(По случаю перенесенія могилы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ).

Домъ, гдѣ родился Гайднъ.

7-го марта сгорѣлъ въ Рорау домъ, гдѣ родился извѣстный нѣмецкій композиторъ Гайднъ. Домъ этотъ былъ построенъ еще отцомъ композитора въ 1728 году, но въ 1813 и 1833 гг. значительно пострадалъ отъ наводненій; тѣмъ не менѣе внутренняя часть его осталась, но послѣдній пожаръ окончательно уничтожилъ зданіе, гдѣ родился Жозефъ Гайднъ. Великій композиторъ очень любилъ свои родныя мѣста, хотя жилъ тамъ всего первыя пять лѣтъ своей жизни.

Нью-Йоркъ.—Сцены во время пожара отеля «Виндзоръ»

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
всевозможные новѣйшаго усовершенствованія

САДОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
и разныя принадлежности плодоводства, огородничества и цвѣтоводства.

„РАФІЯ“

(индѣйская трава) для связки виноградныхъ кустовъ и другихъ растений.

За систематически составленную коллекцію садовыхъ инструментовъ и принадлежностей, практическихъ типовъ, умѣренныхъ цѣнъ, не собственнаго производства

Фирмѣ присуждена награда: дипломъ на большую серебряную медаль
Кавказскимъ отдѣломъ

Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства 2-й Кавказской Выставки
продуктовъ садовыхъ культуръ.

„БРАТЯ ПЕТРОКОКИНО“

ОДЕССА, Греческая улица № 26, собственное зданіе.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Доволено цензурою, Одесса, 20-го марта 1899 года.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.

Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.